

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ДВЕ ЛИТОВСКИХ ЭТИМОЛОГИИ НА ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ: 1. *sáugoti*, *saugùs*; 2. *ũmas*, *ũmà*

1.

Литовские слова *sáugoti* ‘стеречь, беречь, охранять’, *saugùs* ‘надежный’, ‘осторожный, предусмотрительный’ и близко родственное им лтш. *saũdzēt* ‘беречь, стеречь’ до настоящего времени не имеют приемлемого этимологического объяснения¹. В самом деле, нельзя считать удовлетворительными ни с фонетической, ни с семантической точки зрения существующие сближения со слав. **hovati* (укр. *ховати* ‘прятать, скрывать’, польск. *chować* то же и др.)² или с герм. **seuka-* (гот. *siuks*, др.-исл. *sjúkr*, англосакс. *sēoc*, англ. *sick*, др.-в.-нем. *sioh*, нем. *siech* ‘больной, болезненный’)³. При этом не получает убедительного истолкования значение ‘осторожный’, которое является для балтийского лексического гнезда основным, хотя и не первичным, как мы постараемся это показать дальше. Наиболее простым и, кажется, адекватным способом объяснения является интерпретация *sáugoti*, *saugùs* как сочетания возвратного местоимения и глагольного корня: *sau-goti*, буквально ‘идти себе’, *sau-gus* ‘идуший себе’. Русское *идти себе*, замечательное своей аналитически выраженной медиальностью, передает действия человека сосредоточенного и тем самым — потенциально осторожного. Лексико-семантические и грамматические условия возникновения значения ‘осторожный’, ‘проявлять осторожность’ (→ ‘стеречь’) в литовском были, по-видимому, похожими. Конечно, соблазнительно в свете новой предлагаемой нами этимологии поставить лит. *sau-gu-s* ‘*идуший себе’ → ‘осторожный’ в один ряд с такими индоевропейскими композитами как литовское же *žmo-gù-s* ‘человек’ (← ‘*по земле ходящий’), греч. *πρέσ-βυ-ς* ‘старейшина’ ← ‘*впереди идущий’, объяснив, таким образом, второй компонент *-gu-s* в *saugus*, *žmogus* как нулевую ступень

¹ Fraenkel E. LEW, Bd 2, S. 764: „Etymologie unklar“.

² Verneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd 1, S. 400. — Сближение дано со знаком вопроса.

³ См. мнение Цупицы и Фика у Френкеля (LEW, Bd 2, S. 764). В германских этимологических словарях это сближение даже не упоминается и даются другие объяснения германского слова. См. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl. — Berlin, 1967, S. 707; Vries J., de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2 Aufl. — Leiden, 1977, S. 479.

вокализма и.-е. $g^h\ddot{a}$ - 'идти' с вокализацией лабиального тембра индоевропейского лабиовелярного согласного $g^h > gu$, что само по себе тоже интересно. Но архаичный вид прилагательного *saugus* обманчив, оно вторично и отглагольно, о чем говорит прозрачность связи его с литовским глаголом *saugoti*, а также выделяемая в их составе живая, употребительная форма возвратного местоимения *sau*. Очевидно, структура этих образований, хоть и укрывшаяся от взоров этимологов, продолжала оставаться активной, прозрачной вплоть до относительно недавнего времени (*terminus post quem*, здесь мог бы быть переход $savi > sau$ в новолитовском). При всем при том здесь продолжает жить весьма древняя модель словообразования и формообразования, модель, которая легла, по-видимому, еще в основу индоевропейской медиальной глагольной парадигмы. Имеется в виду объяснение медиальных глагольных окончаний греч. *-μαι, -σαι, -ται*, др.-инд. *-se, -te* из и.-е. **moi* 'мне', **soi* 'себе', **toi* 'ему', дат. п. ед. ч. личных местоимений, а также типологическое сопоставление греч. *κεῖ-μαι* и русск. *лежу себе*⁴. Это объяснение раскрывает способ образования индоевропейского среднего залога, а также его исходный материал, но главное — обращает наше внимание на параллельное существование аналитической модели среднего залога типа русск. *лежу себе, иду себе*, типологически более архаической, чем классический индоевропейский медиум, а для ряда языков и единственной. Лит. *saugoti* можно понимать именно как такой неразвившийся медиум.

2.

Лит. *ūmas*, ж. р. *ūmà* (диалектн.) в жемайтских говорах — 'сырой, свежий, непросохший'⁵, и это его значение следует считать первоначальным как семантически, так и этимологически. В рамках литовского и балтийского нас в этом убеждает очевидное отношение апофонии, связывающее *ūmas* и *vėmti* 'извергать содержимое желудка, рвать', т. е. в сущности 'выделять сырость'. Аналогичной апофонией на балтийской почве связаны между собой, напр., лит. *ūkana* 'туман' и *vākaras* 'вечер'⁶. Предложенное объяснение формы *ūmas*, кажется, полнее и поэтому предпочтительнее, чем отнесение к семье лит. *āudra* 'буря'⁷, оперирующее слишком кратким корнем при

⁴ Georgiev V. I. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. — *Linguistique balkanique*, 1975, vol. 18,3, S. 42 n. a.; idem. Morphologische Untersuchungen I. Probleme der indoeuropäischen Verbalflexion. — *Linguistique balkanique*, 1978, vol. 21,4, S. 23.

⁵ Значение 'внезапный, быстрый, поспешный', характерное для аукштайтских говоров литовского (ср. и литературное *ūmūs*), — результат метафорического переноса.

⁶ Fraenkel E., Bd 2, S. 1159.

⁷ Fraenkel E., Bd 2, S. 1162.

определенной недооценке детерминатива -m-, который здесь весьма древен, как увидим ниже. Дело в том, что глубокими индоевропейскими соответствиями обладает не только лит. *vėmti*, лтш. *veĩt* 'рвать' (др.-инд. *vámiti*, греч. *ἐμέω*, лат. *vomere*, как известно). Не менее почтенное этимологическое соответствие можем указать и для лит. *ũmas* 'сырой, непросохший' — др.-инд. *umá* 'лен', до сих пор считавшееся не объясненным удовлетворительно⁸. Др.-инд. *umá* довольно точно соответствует лит. *ũmà*, форме женского рода прилагательного 'сырая'. Культурно-исторические данные подтверждают это тождество, а тем самым — и древность литовского значения 'сырой, мокрый'. Как известно, мочка льна — необходимая стадия в его обработке. Это нашло отражение в этимологии некоторых названий льна со вскрываемым первоначальным значением 'сырой' или 'моченый'. В поддержку предлагаемой здесь идентификации др.-инд. *umá* 'лен' — лит. *ũmà* 'сырая', которая оказывается этимологией для древнеиндийского названия льна, уместно вспомнить старое, но незаслуженно забываемое толкование и.-е. **līno-m/*leino-m* 'лен' ← 'политое, увлажненное'⁹, откуда лат. *linum*, греч. *λίνον*, гот. *lein*, др.-в.-нем. *līn*, слав. *льнъ, лит. *līnai* (мн.), лтш. *lini* 'лен'.

⁸ Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. — Heidelberg, 1956, Bd 1, S. 108. Форму *kṣumā* надо понимать скорее как *Reimwort*, причем вероятность заимствования невелика.

⁹ См. мнение Фика в кн.: Walde A., Hofmann J. B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, Bd 1, S. 811: „Zu **lei-**'gießen', vom Wässern der Leinpflanze“. Об этой индоевропейской этимологии уже не вспоминают: Berneker E., Bd 1, S. 754; Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. — М., 1967, т. 2, с. 481; Fraenkel E., Bd 1, S. 373.